

Stilwert einiger Ableitungssuffixe zu verdeutlichen, sind diese nochmals zusammen mit einem Satzbeispiel dargeboten. Weiterhin finden wir die Korrelationspaare der Ableitungssuffixe (Antonyme, Synonyme), bei deren Einteilung auch die Wortart (Verb, Adjektiv, Substantiv) berücksichtigt worden ist. Gesondert ist das Vorkommen der Zeichen (Pluralzeichen, Possessivsuffixe, Komparativzeichen) in der Mihályi-Mundart aufgeführt. Danach bringt der Autor fünf Dialekttexte, die ohne Wissen der Informanten 1970, 1975, 1978 auf

Tonband aufgezeichnet worden sind. Dem Alter nach gehören die Informanten zur mittleren, älteren und ältesten Generation.

Man kann mit Sicherheit sagen, daß das Studium der Monographie von J. Kiss nicht nur für ungarische Dialektologen, sondern für alle Finnougristen nutzbringend ist. Mit diesem Werk wird der Sprachwissenschaft neues, zuverlässiges Material hinzugefügt und gleichzeitig werden neue Gesichtspunkte und Möglichkeiten zur Dialektmaterialbehandlung vorgestellt.

HELMI NEETAR (Tallinn)

<https://doi.org/10.3176/lu.1983.1.14>

Д. Т. Надькин, *Основа глагола в мордовских языках. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Саранск 1981.*

24 мая 1982 года в Тартуском государственном университете на заседании специализированного совета Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора наук состоялась защита докторской диссертации заведующим кафедрой мордовских языков Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева кандидатом филологических наук Д. Т. Надькиным по теме «Основа глагола в мордовских языках». Официальными оппонентами выступили доктора филологических наук профессора П. Альвре (Тарту), И. Г. Иванов (Йошкар-Ола), Д. В. Цыганкин (Саранск), академик АН ЭССР, доктор филологических наук профессор П. Аристэ.

Морфология мордовского глагола служит объектом внимания исследователей с середины XIX века (Альквист, Видеман) по настоящее время. Последние десятилетия в этом отношении особенно плодотворны: выполнены диссертационные работы по различным участкам глагольной системы эрзянского и мокшанского языков; рассмотрены категории времени и наклонения, вида, залога, объектного спряжения, инфинитива, причастия, исследованы общемордовские глагольные суффиксы. Довольно подробно известна диалектная картина. Вопросы диахронии нашли освещение в исторических грамматиках Д. В. Бубриха, Б. А. Серебряникова, а также в специальных исследованиях — В. Палля, В. Халлапа. Вместе с тем сама гла-

гольная основа, это важнейшее звено в структуре глагольных форм, обычно оставалась вне поля зрения исследователей. В связи с этим рекомендации по части морфологического анализа глагольной словоформы в парадигматике, а также морфемного анализа словообразовательных цепей нередко оказывались случайными, противоречивыми, недостаточно научно обоснованными.

Проблемами, связанными с содержанием рецензируемой работы, Д. Т. Надькин занимается с середины 60-х годов. Рецензируемая работа — итог многолетних изысканий, причем чрезвычайно плодотворный.

Одно из ключевых положений работы: «в мордовских языках все стандартные глаголы двусосновны (... Г(С)СГ- ~ ... Г(С)С-)» (с. 21). Его обоснование содержится в первой главе, особенно в § 2—7, 11—13. Д. Т. Надькин детально изучил старые формы глагольной парадигмы (т. е. формы с нулевым реляционным суффиксом) на примере достаточного количества непрямых и производных глагольных лексем, разработал методику морфологического анализа глагольной словоформы в синхроническом аспекте, приводящую к однозначным результатам (§ 7).

Еще одно ключевое положение: «исходный вариант основы репрезентируется в диагностических формах» (с. 21). Оно обосновано в § 2, 7, 14. Введение понятия «диагностическая форма» продиктовано

тем, что варианты основы оказались в подчинительных отношениях. Распределение старых форм на три группы (формы с максимальной, вплоть до противопоставления гласных и согласных основ, дифференциацией; формы с обобщением в пользу гласных основ; формы с обобщением в пользу согласных основ) и выделение форм с максимальной дифференциацией в качестве диагностических для суждений о глагольной основе — в мордовской лингвистической науке положение принципиально новое и по существу верное.

Как известно, словарной формой мордовского глагола является инфинитив на *-мс*. Эта форма «претендует» на роль исходной, как, скажем, форма номинатива ед. ч. существительного. Автор убедительно доказывает несостоятельность данных претензий инфинитива в диахроническом (инфинитив значительно моложе личных форм) и в синхроническом планах (по инфинитиву не все члены глагольной парадигмы предсказуемы). Дело в том, что форма инфинитива на *-мс* не дифференцирует согласные и гласные основы (напр., *кадомс* 'оставить' и *сюдомс* 'проклясть') и по ней нельзя предсказать, к примеру, форму императива ед. ч. (*кад-т*, но *сюдо-к*). Напротив, любая из диагностических форм может быть принята в качестве точки отсчета, по крайней мере, в синхроническом плане, так как по ней предсказуема любая форма глагольной парадигмы.

«Сказанное в полной мере распространено на глаголообразующий суффикс, поскольку тот находится в ауслaute производной основы (-СГ ~ -С)» (с. 21). Это естественно: в ауслaute производной глагольной основы, как установил исследователь, принципиально новых явлений по сравнению с непродуальной основой не имеется (§ III—13). Естественно также, что «исходным вариантом корневой и суффиксальной морфемы следует считать член базисного противопоставления; следовательно, в мордовских языках (в системе глагола — Д. Ц.) необходимо различать: ...Г(С)СГ- > ...Г(С)С-, ...Г(С)С- > ...Г(С)СГ; -СГ > -С, -С > -СГ». Противопоставленность согласных и гласных основ двунаправленна, что в системе глагола автор выражает терминами «парадигматическое» и «соматическое», или «базисное» противопоставление. Следует от-

метить, что в работе много новой, особенно для мордовского языкознания, терминологии, что по-видимому, оправданно из-за новаторского характера исследования. Как правило, применяемая терминология точно отражает суть описываемого (напр., «диагностическая форма», «форматив», «реляционная основа» и др.). Что касается оппозиций глагольных основ по огласованности—неогласованности, использование термина «соматический» рецензенту представляется неудачным. Думается, нужно остановиться на термине «базисный».

Два последних положения вытекают из двух первых — ключевых положений работы. Для исследования в целом характерна логичность. Д. Т. Надькину удалось охватить единой проблемой (проблемой основы) всю систему мордовского глагола. И все-таки нам представляется, что в последовательности глав — 1. Основа глагола в старых формах. 2. Лексическая основа и глагольное словообразование. 3. Реляционные глагольные основы. 4. Глагольная основа в составе инфинитивов, имен действия, причастий и деепричастий. 5. Основа глагола в эрзянском и мокшанском языках и прамордовском и прафинно-волжском аспектах — есть погрешность: вопросы словообразования (точнее — проблема основы на словообразовательном уровне) вклинились в вопросы слово- и формозменения (точнее — в проблему основы на слово- и формозменительном уровне).

Вывод: «по основе диагностических форм стандартные глаголы делятся на три класса (разряда): ...Г(С) *a/я*, ...Г(С)С *o/е*-, Г(С)С» (с. 21), к которому исследователь приходит в результате анализа всего наличного состава непродуальной глагольной лексики и всех словообразовательных типов производной, с новых позиций им идентифицированных (гл. 2, § 14—63), существен как в синхроническом аспекте, так и в диахроническом. В синхроническом аспекте дифференциация разрядов глаголов по их основе сделала возможным выделение особого интерфиксального гласного в противовес базисным гласным (§ 2, 5, 13, 15 и др.). Иными словами, пограничные вокалические элементы морфем получили новое освещение, которое значительно изменяет традиционные представления о реестре

глаголообразующих суффиксов и пространственно-временных пределах глаголообразующих (§ 15) и реляционных (§ 68—75) суффиксов: «реальный реестр мордовских глаголообразующих суффиксов почти в 3 раза обширнее, а реальные пространственно-временные пределы некоторых глаголообразующих и реляционных суффиксов несколько протяженнее, чем традиционно представляемые в описательных и нормативных грамматиках» (с. 21—22).

Следует отметить, что благодаря настойчивой, активной позиции автора (чтение спецкурсов на национальных отделениях мордовских вузов, участие в написании программ, учебников, учебных и методических пособий для мордовских школ и вузов) многие разработанные им положения внедрены в школьную и вузовскую практику.

Для диахронического аспекта выявление в системе глагола гласных (*a*-овых и не-*a*-овых) и согласных основ существенно, в первую очередь, в том смысле, что оказалось возможным по-новому взглянуть на некоторые особенности глагольных систем родственных языков. Д. Т. Надькин предпринимает такую попытку в пределах финно-волжской глубины (гл. 5), увенчавшуюся значительным открытием: «противопоставление согласных и гласных основ в системе глагола мордовских языков суть по меньшей мере финно-волжская традиция, причем в оформлении глагольной основы не обнаруживается убедительных свидетельств в пользу особой волжской традиции» (с. 22).

Вообще, диахронический план работы, который является определяющим в § 8 (О процессах переинтеграции в старых формах), 64 (Образцы переинтеграции в морфологическом узле производящая основа — глаголообразующий суффикс) и во всей 5-й главе, нам представляется весьма основательным. Реконструкции автора обычно достоверны. В этом отношении можно особо выделить § 87, в котором рассмотрена природа беглого (интерфиксального) гласного в системе глагольного словоизменения и словообразования. Умело совмещая сравнительно-исторический и количественный методы Д. Т. Надькин приходит к убедительному заключению: «в оформлении мордовской глагольной основы заметную роль сыграли про-

цессы обобщения гласных ауслauta; интерфиксальный гласный *o/je* — один из результатов такого обобщения» (с. 22).

Экскурсы диахронического порядка имеются во многих других параграфах. Хотя частое перемежение синхронии и диахронии в 1—4-й главах несколько размывает границу между двумя планами, создавая некоторые неудобства для читателя, но сами по себе эти экскурсии чрезвычайно интересны и новы, например, о мокушанском отыменном суффиксе *-za* (с. 177), о ядерной части суффикса условного наклонения (с. 237), о марийском претерите (с. 307—309).

Все главные положения исследования Д. Т. Надькина достаточно обоснованы. Их базой является глубокое многостороннее исследование выбранного автором объекта — глагольных систем эрзянского и мокшанского языков. При поиске решений для узловых проблем, в их русле исследователь впервые ставит или впервые по-новому решает ряд побочных, но также весьма важных проблем. Так, впервые в мордовском языкознании выявлена дву-членность макроструктуры формата финитной глагольной формы, микроструктура каждого члена которого может содержать от нуля до некоторого множества элементов, причем нулевое выражение обеих частей формата одновременно невозможно (§ 7); впервые рассмотрено порядковое членение мордовской финитной глагольной формы и установлено при этом до 17 порядков (включая корневую морфему) (§ 65). Кстати, 14—16 порядки могут усложнить макроструктуру формата. Впервые вводится комплексный подход для идентификации глаголообразующего суффикса, при котором учитывается: а) класс слов, выступающих в качестве производящих, б) какой морф выступает в качестве головного, в) какой набор морфов используется данной словообразовательной моделью, г) какие суффиксы выступают в качестве конкурирующих (§ 15), д) основное и сопутствующие лексико-грамматические значения. Последний пункт почему-то отсутствует в авторском перечне (см. с. 107—108), хотя практически при выделении и идентификации глаголообразующих суффиксов семантическая сторона нередко учитывается (см., например, § 22, 23, 24 и др.).

Рецензируемая работа производит хо-

рошее впечатление, некоторые недостатки не умаляют ее достоинств. К упомянутым выше можно добавить несоразмерность глав (2 глава — 53 параграфа, 123 с.; 3 глава — 11 параграфов, 47 с.; 5 глава — 3 параграфа, 63 с.), отсутствие единства в передаче представляемого лингвистического материала (транскрипция на основе латиницы, на основе русской графики, по нормам современного литературного письма), сложность системы внутренних ссылок. Есть и спорные моменты, например, включение признака прошедшего времени *-и- (-ы-)* в формах типа *кундынь 'я поймал'* в состав личного аффикса (с. 68).

Видимо, можно найти неувязки в представлениях автора о древнемордовском вокализме (по его мнению, в прамордовском языке не было фиксированного ударения и редукции гласных — § 85). Но эти спорные места отнюдь не являются слабыми местами работы.

Успешное решение Д. Т. Надькиным поставленных проблем, особенно глагольной основы в синхроническом и диахроническом плане, позволяет квалифицировать его работу как достижение в финно-угорской лингвистической науке.

Д. В. ЦЫГАНКИН (Саранск)

V СИМПОЗИУМ ПО ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

30 августа — 2 сентября 1982 года в Финляндии, в городе Ювяскюля, прошел очередной симпозиум ученых Советского Союза и Финляндии по прибалтийско-финской филологии (I состоялся в 1971 году в Хельсинки, II — в 1973 году в Таллине, III — в 1977 году в Хельсинки, IV — в 1979 году в Петрозаводске).

Выбор места проведения симпозиума, очевидно, не был случаен. Ювяскюля — это старый культурный центр. В середине XIX века здесь были основаны первые в Финляндии средние учебные заведения с обучением на финском языке: мужской лицей в 1858 году и женский несколько позже, а также в 1863 году учительский семинар, который в 1934 году стал педагогическим институтом. В 1966 году на базе этого учебного заведения был основан университет.

Как по числу докладов, так и по количеству участников симпозиум в Ювяскюля превзошел все предыдущие. На пленарных и секционных заседаниях было зачитано 68 докладов. Из Советского Союза в симпозиуме приняли участие 32 человека (из них 17 из Таллина, 10 из Петрозаводска, 3 из Тарту, по одному из Москвы и Сыктывкара). С финской стороны на симпозиуме были представлены все города, располагающие университетами и научными лингвистическими учреждениями: прежде всего принимающий город Ювяскюля, затем Хельсинки (с самым большим числом участников), Турку, Оулу, Тампере, Йюэксуу.

Работа была организована следующим образом: 4 пленарных заседания (всего 7 докладов), секция лингвистики (7 заседаний, 32 доклада), секция фольклора (16 докладов), секция литературоведения (13 докладов). Продолжительность докладов на пленарных заседаниях 30 минут, в секциях — 20 минут. Участники предварительно получили брошюру с тезисами докладов. Для обсуждения каждого доклада предусматривалось не более 10 минут.

Открыл симпозиум председатель организационной комиссии профессор финского языка Ювяскюляского университета Хейкки Лескинен. Он познакомил собравшихся с историей Ювяскюляского университета. Церемонию открытия завершил ректор Ювяскюляского университета профессор Мартти Такала.

Здесь будет рассмотрена только тематика лингвистических докладов, которая на этот раз в основном концентрировалась вокруг лексикологии и грамматики (прежде всего синтаксиса) прибалтийско-финских языков. Третью большую группу составили проблемы упорядочения языка и культуры речи.

Большинство докладов прямо или косвенно касались лексики. На пленарном заседании, открывшем симпозиум, выступил Терхо Итконен (Хельсинки) с докладом на тему «Туман» и «облако» в перспективе Европы». Доклад базируется на материале всех языков Европы, послужившем основой составления карт Лингвистического атласа Европы по распро-